

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №21 ГАЗЕТА

Борис Куркин / Подавляющее меньшинство

95
1927-2022

КУРКИН Борис Александрович

Родился в 1951 году в Москве.

Окончил Московский государственный институт международных отношений.

Юрист-международник и востоковед. Доктор юридических наук. Профессор. Арбитр Арбитража при Московской торгово-промышленной палате. Эксперт Фонда гуманитарных исследований Правительства РФ.

Автор ряда исследований, посвященных творчеству А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Книга «Оперативное дело “Ревизор”». Опыт криминального расследования» удостоена в 2011 году звания «Лучшая книга года» по версии «Литературной газеты» в номинации «Авторское издание».

Член Союза писателей России: автор романов, повестей и рассказов.

Лауреат премии Русского биографического института «Человек года-2011» в области блогосферы «За вклад в развитие гражданского общества».

VENI, CREATOR!

Леонид Андреев

(1871–1919)

По июльским трупам, по лужам красной крови вступает завоеватель Ленин, гордый победитель, триумфатор, — громче приветствуй его русский народ! Вот он, серый в сером автомобиле: как прост и вместе величав его державный лик, сколько силы в каждом движении его благородной руки: одним мановением она приводит в движение пулеметы и воздвигает стихии на головы непокорных...

Ты почти Бог, Ленин. Что тебе все земное и человеческое? Жалкие людишки трепещут над своей жалкой жизнью, их слабое, непрочное сердце полно терзаний и страха, а ты неподвижен и прям, как гранитная скала. Они плачут — твои глаза сухи. Они молят и проклинаяют — но ты их не слышишь.

Что тебе земное? Ты выше слез, выше проклятий, выше презрения — ты сам есть великое презрение, ставшее над землею.

Гряди, победитель!

О каком-то отечестве плачут они. Зовут Россию. Земные и жалкие, они любят какую-то родину. Им мила их земля, им мило их небо, их реки и леса, их поля и убогие деревни. Они хотят дышать, этим воздухом и задыхаются в другом, будто не всякий воздух одинаково пригоден для дыхания. Земные дети, они цепляются руками за игрушки и самую любимую из всех зовут отечеством, каким-то отечеством. Но что тебе до земного? Как некий Бог, ты поднялся над их земным и ничтожным — и презрительной ногою встал на их отечество, легким пинком отбросил и растоптал смешную игрушку. Разве для Бога существует география? границы? свои и чужие земли?...

Гряди спокойно, победитель!

Но я вижу, что здесь еще не конец твоему Великому Презрению. Кого еще ты презираешь, победитель? Твой рот презрительно шевелится: на

чью же голову ты готовишь свой ядовитый плевок? Кого ты ищешь глазами? — Здесь нет никого, кроме русского народа, и он приветствует тебя! Не его ли ты презираешь?

Это было бы слишком жестоко, Великий. И несправедливо! Не он ли расступился перед тобою? Не он ли стомиллионный великий русский народ, имеющий Толстых и Герценов, Каляевых и Петров Великих, покорно склонял перед тобою свою шею и ныне венчает тебя? Смотри, как низко стелется перед тобою вся народная нива! Ни один колос не стоит прямо, все согнулись и кланяются, как Иосифу. Смотри, как по мере приближения твоего затихают проклятия, ложь и судебная клевета, пятнавшее твое чистейшее имя. Благоговееет сын персти, и в благоговейном молчании встречает тебя и твои пулеметы, великий завоеватель! Ты победил русский народ. Единый — ты встал над миллионами.

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

Права на использование товарного знака «Роман-газета» принадлежат ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2022
Все права защищены

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68350 от 30.12.2016 г.

Подписаться на журнал «Роман-газета» можно в отделениях связи и через Интернет: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные индексы издания:

в объединенном каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции

2022 №21 /1914/ Основана в 1927 г.

Борис Куркин

Подавляющее меньшинство

(Разгон Учредительного собрания: размышления, документы и воспоминания современников)

Начав дело с конца, все-таки не уйдешь от начала.

А. Ф. Вельтман

(Приключения. Почерпнутые из моря житейского)

Считаю советскую власть исторически неизбежным оформлением великого общественно-духовного недуга, назревавшего в России в течение нескольких сот лет.

(Из ответа философа И. А. Ильина следователю ГПУ)

Введение

Минуло более века с момента события, кардинальным образом изменившего вектор развития русской государственности после падения монархии — разгона Учредительного собрания.

По понятным причинам в советской историографии оно упоминалось как событие малозначительное, формулой которого стал анекдот: «Караул устал». А между тем этот акт имел колоссальное правовое и политическое значение, и по сию пору оознанное и осмысленное весьма поверхностно.

Автор выражает глубокую благодарность своим друзьям — профессору д. т. н. Владимиру Борисовичу Барахнину и Василию Николаевичу Березовскому за неоценнимую помощь при написании настоящей книги.

Борис Куркин

Подмена

После Февральского переворота 1917 года стали раздаваться голоса о созыве Земского собора, весьма редкие, впрочем. Примером тому стала брошюрка писателя В. Г. Короленко, попытавшегося растолковать простому русскому человеку идею Учредительного собрания. Для пушей наглядности писатель-правозащитник использовал в своей агитке известные термины и исторические аналогии, попутно просвещая

народ по части истории подавлявшего свободу царизма и революционно-освободительного движения.

Впрочем, идея Земского собора была популярна в среде либеральной интеллигенции и в начале XX века. 18 января 1905 года секретарь и лечащий врач Л. Н. Толстого Д. П. Маковицкий запишет в дневнике слова своего пациента: «Земский собор нужен царю, это его дело».

Еще одна запись, о сыне Л. Н. Толстого, писателе, публицисте и скульпторе, ставшем вскоре подданным шведского короля: «30 января. Царь принял Льва Львовича и говорил с ним о Земском соборе. Лев Львович, как известно, писал ему о том, что надо бы созвать Земский собор».

Шел разговор о том, что Лев Львович был у царя (полтора часа); предлагал ему созвать Земский собор... Царь ответил, что теперь, пока идет война, не время созывать Земский собор».

Слухи о том, что Земский собор будет созван, все же получили ограниченное хождение, а граф Л. Н. Толстой даже выразил согласие идти в него от крестьянства. Звучало бы все, конечно, дивно: «От народа — граф Толстой». Однако дело до этого не дошло.

Кстати, либералы весьма опасались, что если большинство в Соборе окажется за крестьянами, то «не удастся проводить западные реформы». Земский собор так и не был созван. Вместо него появилась на свет Государственная Дума. Она была истеричной, скандальной и разрушительной. Читая отчеты о ее заседаниях, трудно избавиться от ощущения, что это была натуральная сходка буйных пациентов психиатрической лечебницы. Тот, у кого на памяти прямые телевизионные репортажи о заседаниях Съезда Советов СССР 1989 года, может составить себе представление о Первой Думе, не листая журнал «Нива».

Все это происходило в атмосфере усиливавшейся день ото дня и час от часу Смуты. Выдающийся русский художник В. М. Васнецов — глубоко верующий человек, русский патриот и монархист — сообщал в сентябре 1906 года своему близкому другу — писателю И. Л. Щеглову-Леонтьеву: «В деревне прожилось ничего себе, вероятно, оттого, что не каждый день газеты читал. Зато уже день получения газет был всегда днем мученичества! Единственное отрадное извещение газетное — это о роспуске Думы. Это был поистине праздник, и в душе опять зажила надежда! А потом... потом опять мрак и ужас, убийства, грабежи и взрывы!..»

Никакого Земского собора в традиционном для Руси виде быть уже в России не могло: старая триада «Православие — Самодержавие — Народность» была разрушена, а ее прах развеяли вихри новой Смуты. Упадок веры неминуемо породил представление

о православном царе как «первом чиновнике государства», за которым нужен жесткий и неусыпный контроль. И чудодейственным средством такого контроля могла стать, по мысли либералов, лишь «ее величество» конституция. Ее-то теперь либералы и добивались, разом забыв про Земский собор. Собственно, под Земским собором и подразумевалась уже конституция, а не собор всей земли, когда русские люди были объединены православной верой, диктовавшей всем — от мужика до Царя — жесткие императивы поведения. Но такого единения в вере и ценностях в России XX века уже не стало. Либерализм сделал свое дело.

Символично, что последним Земским собором в истории России стал Приамурский земский собор — съезд белых монархистов, прошедший во Владивостоке в июле — августе 1922 года и провозгласивший реставрацию на российском престоле династии Романовых. С претендентом на престол собор не определился. Дело ограничилось тем, что белые силы в Приморье были преобразованы в Земскую рать во главе с земским воеводой генералом М. К. Дитерихсом¹, провозглашенным временным диктатором.

Свою книгу об убийстве царской семьи генерал заканчивал словами, в которых выразилось его мировоззрение и мироощущение православного человека: «Постепенное, историческое искажение чистых заповедей учения Христа привело к тому, что новая, материалистическая религия личного “Я” могла заглушить в душе людей и деятелей России все прежние святыни и символы религии Единого Бога, подготавливая почву для насаждения в мире безумного царства религии Лжи... В силу политических условий, созданных Февральской революцией, революцией не идей, духа и содержания, а революцией форм и персональностей, это служение своему “Я”, постепенно прогрессируя в развитии личных начал, неизбежно повело как отдельных руководителей, так и массу по нисходящим к бездне путям разрушения всего общественного, государственного и национального. Только при господстве этих личных эгоистических начал в массе революция логически должна была привести через кроваво-кошмарные преступления лета 1918 года к утверждению в России власти, олицетворившей высшую ложь».

Генерал был глубоко верующий человек и умница. Как русский и православный он четко сформули-

¹ Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937, Китай) — русский военачальник, монархист. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из руководителей Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Правитель Приамурского земского края в 1922 году. Кладбище в Шанхае, на котором генерала похоронили, было уничтожено во время т. н. «культурной революции». Автор книги «Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале».

ровал то, о чем стали писать после него философы и культурологи.

Кредо монархиста ярко выразил все тот же В. М. Васнецов в письме от 2 апреля 1907 года: «Я, как был, так и доселе остаюсь убеждённым монархистом на исконных русских началах, т.е. стою за православную веру, за самодержавного неограниченного царя и за великий русский народ и его господство в Русском государстве и к сему подлинному моему “credo” не нахожу нужным прибавлять никакого “constitutio”».

Не лучше обстояли дела и с третьим членом знаменитой триады — «Народностью». «Интеллигентные люди» стыдились выговаривать слово «русский». Уже будучи выброшенным из России, ведущий русский правовед и записной либерал П. И. Новгородцев вспоминал: «Теперь нам кажется совершенно естественным и простым говорить о верховенстве и первенстве русского народа и русской культуры на русской земле и в русском государстве. А между тем так недавно еще — “свежо предание, а верится с трудом”, — серьезно обсуждали предложение в официальном обращении к власти заменить слова: “русский народ” словами: “народы России”, да и сейчас есть организации, которые, не будучи социалистическими, стыдливо скрывают свою принадлежность к русскому народу под чисто географическим обозначением “российский”».

И если бы только это!

Слово В. В. Розанову: «У нас нет совсем мечты своей родины, — писал он в 1912 году. — И на голом месте выросла космополитическая мечтательность... У француза — “chère France”¹, у англичан — “Старая Англия”. У немцев — “наш старый Фриц”. Только у прошедшего русскую гимназию и университет — “проклятая Россия”».

В результате патриоты оказывались в своей стране духовными изгоями.

«Я понял, что в России “быть в оппозиции”, — записывает Розанов, — значит любить и уважать Государя, что “быть бунтовщиком” в России — значит пойти и отстоять обедню».

Ну какой Земский собор мог собраться в России в условиях отсутствия духовного единения, когда евангельские нормы перестали быть категорическим императивом, а в закон возведено человеческое своеволие? Какой Земский собор Земли Русской мог собраться и решать ее судьбы, если собравшиеся стыдились называть и осознавать себя русскими людьми?

Могла собраться лишь Дума или ее вариант — Учредительное собрание.

И потому не случайно, что отсчет рождения идеи «российской конституанты» либералы и революци-

онисты повели от Смуты 1905 года и требований принятия конституции. Так, меньшевик Ф. И. Дан² выпустил в 1905 году брошюрку, в которой было озвучено требование скорейшего созыва Учредительного собрания, главной задачей которого должно было стать принятие конституции, которая установит «политическое устройство свободного государства и определит политические права граждан»³. Тем самым социалисты отводили Учредительному собранию чисто техническую функцию принятия конституции. При этом, как подчеркивал доктор Гурвич, чтобы «царь в вопросе о конституции вовсе не имел никакого голоса». Об Учредительном собрании писали в научных трудах и популярных энциклопедиях, но не в связи с историей русских Земских соборов, а в плане развития западного конституционализма.

В 1917 году известный русский (а затем советский) правовед М. А. Рейснер⁴ — отец небезызвестной революционерки Ларисы Рейснер и один из создателей Конституции РСФСР 1918 года — опубликовал в энциклопедии «Гранат» пространную статью об Учредительном собрании — и вновь на примере стран Европы и Америки.

Целью Учредительного собрания Рейснер объявлял принятие конституции демократического государства западного образца, которая якобы и защитит и власть народа, равно как и сам народ от самого себя. Никаких иных задач перед российской конституантой правовед и не ставил. Либералы давно все решили за народ.

И в этой статье мы не находим никакого упоминания о Земских соборах в России. Стоит ли говорить, что статьи, предназначенные исключительно для юристов, в популярных изданиях для рядового читателя не публикуются?

Наконец, известный русский государствовед и историк-конституционалист Ф. Ф. Кокошкин, о чьей трагической судьбе речь пойдет далее, тотчас после Февральского переворота отметил в своей предвыборно-агитационной брошюре, что требования гражданских свобод и созыва Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования были впервые сформулированы именно в 1905 году.

² Дан Фёдор Ильич (настоящая фамилия *Гурвич*) (1871–1947, США) — врач по профессии, меньшевик. Зять Ю. О. Мартова (Цедербаума). После Октябрьского переворота работал по специальности. После Кронштадтского мятежа был арестован и выдворен из страны в 1922 году.

³ *Дан Ф. И.* Всенародное Учредительное собрание. Российская социал-демократическая рабочая партия. — [Б. м.]: Типография Центрального Комитета, 1905. — С. 5.

⁴ Рейснер Михаил Андреевич (1868–1928) — русский и советский юрист. Один из сочинителей Конституции РСФСР 1918 года.

¹ Дорогая Франция (*фр.*).

Его однопартиец и коллега-кадет барон Б. Э. Нольде писал, что «...спасение России предопределено и дано, если только мы останемся на почве государственного переворота (т.е. февральского — *Б.К.*), на почве русской демократической программы, общей для нас всех», «выборы в Учредительное собрание будут главным испытанием разуму и смыслу русского народа». Словом, успех России, по мысли барона, должен был зависеть от того, насколько прочно войдут в сознание русского народа идеи либеральной демократии.

Необходимо подчеркнуть, что начиная с 1905 года в российской правовой науке велась активная революционная пропаганда западного конституционализма, принимавшая формально академические формы (научные и учебные труды «для широкой студенческой аудитории» и просто любопытствующей, оппозиционной по отношению к самодержавной власти публики). Особенным усердием в этом деле отличались два русских профессора-масона: М. М. Ковалевский (1851–1916) и П. Г. Виноградов (1954–1925) — профессор Оксфордского университета, возведенный в 1917 году в рыцарское достоинство, а с 1918 года — британский подданный.

Русская профессура буквально молилась на Французскую революцию, Декларацию прав человека и гражданина и Учредительное собрание, которым провозгласили себя в 1789 году французские Генеральные штаты. Профессора испытывали благоговение и трепет перед Французской революцией и стремились передать его студентам. Так исподволь подготавливалась Смута. Разумеется, никакие Земские соборы — «преданья старины глубокой» «дикой и отсталой» Руси — вдохновить юных студентов-бунтарей не могли: гильотина была куда милее и желаннее.

В итоге, первоначально озвученная идея созыва Земского собора, привычная для русского уха и ясная по ее традиционному содержанию, была подменена сугубо либеральной идеей Учредительного собрания. Но это была подмена, которой в условиях начала XX века в России уже невозможно было избежать. За двенадцать лет, прошедшие с момента ее появления в российской политической жизни, идею Учредительного собрания использовали в борьбе за власть буквально все политические силы. Последними ее применили для оправдания своего «временного» захвата власти большевики. Они же ее и похоронили.

Одержимость

Атеистам придется долго искать объяснений всему происходившему в тот роковой год в России. Однако для русского православного христианина события 1917-го означали не просто смену режима и даже

строю. Это колоссальный по масштабам воздействия на людей перелом в результате гибели традиционной для России триады — остова русского государства — Православия, Самодержавия и Народности. Отказ огромного государства от своей главной составляющей — Православия не мог не произвести на умы людей ошеломляющего шока. Именно обрушение основных понятий о Боге и Отечестве, неразрывно связанных с Самодержавием, привело к «освобождению» от религии, морали, представлений о необходимом в жизни социальном устройстве, а главное, от обязанностей человека перед Богом и людьми, и в первую очередь — соотечественниками. И, хотя в 1917 году наступил апогей кризиса, развивавшегося внутри страны в течение двух предыдущих веков, именно этот суммарный итог привел к страшной и невыносимой ранее кровавой многолетней междоусобице, в которой уже неестественно было ожидать традиционного выхода из кризиса, подобного Земскому собору 1613 года.

Современники — свидетели и участники тех событий — единодушно отмечают атмосферу безумия, охватившего Россию. Как указывали еще советские исследователи, «в конце июля 1917 года Первый съезд врачей, заявив о наличии в стране “острого социального психоза”, потребовал отсрочки созыва Учредительного собрания, установления военного положения и создания “твердой власти”».

В процитированной выше книге допущена явная неточность, к тому же отсутствует ссылка на источник. На самом деле это был «Организационный Съезд Объединения (Ассоциации) Русских Естествоиспытателей и Врачей», проходивший в Москве 20–24 августа 1917 года.

Следует отметить, что вопросами очевидного духовного нездоровья русского общества времен революции живо заинтересовались в последние годы российские историки и социальные психологи.

Вспоминает В. А. Оболенский¹: «За время революции мне приходилось часто бывать в толпе на всяких митингах и демонстрациях, но нигде я не ощущал революции в ее корнях и основах с такой ясностью, как в этом битком набитом вагоне. Ведь такой же, как этот вагон, была вся Россия, лишившаяся авторитета старых форм государственности и обезумевшая от наплыва новых, вкривь и вкось усвоенных идей. Народ впал в безумие со всеми сопутствующими явлениями — манией величия, манией преследования и прочими навязчивыми идеями... Если бы врач-психиатр исследовал затиснутого в уборную молодого солдата, высовывавшего оттуда голову в коридор и в течение суток горланившего осипшим голосом бессвязные речи, полные непонятных ему

¹ Оболенский Владимир Андреевич, князь (1869–1950, Франция) — кадет, депутат Государственной Думы 1-го созыва, республиканец.

слов, и призывавшего своих товарищей во имя этих непонятных слов к насилиям и крови, он несомненно признал бы его душевнобольным. Десятки тысяч таких одержимых народных проповедников-революционеров ораторствовали по всей России, а миллионы их слушали с увлечением и благоговением, как слушала оратора из уборной толпа стиснутых в коридоре серых шинелей, отвечающая ему одобрительными репликами, и иногда — шумными аплодисментами и криками». Характерно, что своей собственной «республиканской» вины перед Российской Империей и Государем князь не усматривал.

Как писал выдающийся русский математик академик В. А. Стеклов, столичная масса того времени и в Москве, и в Питере, да, кажется, и большинство провинциальных обывателей, совершенно утратила рассудок. Именно в эти дни родилось крылатое выражение «левее здравого смысла».

Психопатия отмечена и у т. наз. «просвещенной» («чистой») публики. Вспоминает известная советская актриса А. Коонен: «Как-то я попала в Благородное собрание, где должен был выступать Керенский. Зал был переполнен, меня так сдавили, что я уже хотела бежать, не дождавись начала, но пробраться к выходу оказалось невозможно. В толпе преобладали дамы, шикарно одетые, в лихорадочном возбуждении ожидавшие начала митинга. И выступление Керенского, и атмосфера в зале производили впечатление какого-то истерического театрального представления. Керенский показался мне похожим на актера-неврастеника (амплуа, еще не вышедшее из моды), который самозабвенно играл роль вождя, увлекающего за собой толпу. Дамы, слушая его, хватались за голову, рыдали, срывали с рук кольца и браслеты и бросали их на сцену. Я ничего не понимала в этих выкриках, и все мое внимание почему-то постепенно сосредоточилось на одной мысли — что будет делать Керенский со всеми драгоценностями, которые бросают к его ногам».

У революционера В. А. Антонова-Овсенко такой же накал одержимости: «Я в семнадцатилетнем возрасте порвал с родителями, ибо они были люди старых, царских взглядов, знать их больше не хотел. Связи по крови ничего не стоят, если нет иных».

Нельзя сказать, что подвергшиеся социальным психозам современники не пытались дать объяснения всеобщему помешательству. Однако оно было весьма поверхностным, плоским и сводилось к чисто физиологическим моментам — перегрузкам, элементарному переутомлению. «В истории России, — писал секретарь Учредительного собрания М. В. Вишняк, — 1917-й год был “безумным” годом, наподобие таких же годов в истории других стран и народов. Но он был ненормальным и в личной жизни — тех, кто так или иначе оказался причастным к событиям. Время было сумасшедшее. Ночь превра-

щалась в день без того, чтобы день давал достаточно времени для отдыха и сна. Не раз говорилось, что Февраль не мог кончиться добром, когда те, кто его “делали”, не ели, недосыпали, всюду спешили и всегда запаздывали, всё импровизировали, потому что не имели досуга как следует продумать. Деятели Февраля оказались политически бессильны, потому что изнемогали физически — при лучших намерениях и крайнем напряжении их просто не хватало. У Керенского с его нечеловеческой нагрузкой — моральной, политической, физической — это проступало наружу в его крайней бледности, нервозности, в публичных обмороках. У других это проявлялось менее наглядно».

О том же писал и известный правовед барон Б. Э. Нольде: «1917-й год для всех русских поголовно, от малого до большого, был годом затраты таких доз умственной и нравственной энергии, с которыми не сравнятся затраты никакого иного года, пережитого людьми нашего поколения, несмотря на то, что, конечно, никаким другим русским поколениям не досталось пережить всё, что мы пережили с начала XX века и еще до конца не пережили».

Были у барона и более тонкие наблюдения: «Людьми в ту минуту владели в России слова, не воля. Психоз слов порождал безысходно всеобщее безволие».

Но это был не просто массовый психоз, а массовое помрачение умов. Примером тому служит инициатива депутатов Петросовета устроить перед Зимним дворцом кладбище, на котором 10 марта 1917 года предполагалось захоронить прах «жертв революции» (замечательное по-своему выражение — «жертвы революции!» — Б.К.).

Дворцовая площадь была избрана ими в качестве места устройства политического кладбища, поскольку там «пали жертвы 9 января 1905 года, как символ крушения того места, где сидела гидра Романовых». Как пишет Н. Н. Гиммер (Суханов), «узнав вечером об этом решении, я сильно забеспокоился. А на другой день, прочитав об этом в газетах, забеспокоился и “весь Петербург”, имевший хоть самомалейший интерес к художественным свойствам чудесного города... На Дворцовой площади!.. Гидра Романовых — это, конечно, прекрасно. Но разве можно изуродовать один из лучших алмазов в венце нашей северной столицы? Дворцовая площадь — это замечательнейший монолит, который, кажется, не допускает ни прибавки, ни изъятия, ни перемещения хотя бы одного камня... Да и спрашивается, где же именно они выроют на Дворцовой площади братскую могилу и возведут мавзолей?.. Надо было немедленно принять меры против этого недоразумения и перерешить вопрос в пользу Марсова Поля. Но к кому обратиться для предварительной агитации? Конечно — делу прежде всего поможет старый петербур-

жец Соколов, не раз с увлечением описывавший мне художественные красоты Петербурга, а в частности хорошо знакомые ему дворцы. С ним, с Соколовым — мы произведем дружную атаку на Исп. Комитет. Встретив его вечером, я бросился к нему: — Знаете ли вы, что случилось, что решил сегодня Совет?.. Он постановил похоронить жертвы революции на Дворцовой площади... — Да, — ответил Соколов характерно откидывая назад голову и разглаживая свою черную бороду по обе стороны. — Да, это было под моим председательством!.. Об этом обстоятельстве я совсем забыл... “Ра-аковой человек!” — вспомнил я слова Чхеидзе».

Активно обсуждался проект устройства революционного капища и... в Летнем саду! («И в Летний сад гулять водил»).

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Как записывал в своем дневнике историк Г. А. Князев, «говорили, что погребение на Дворцовой площади отложено потому, что боятся, нет ли там фугасов. Предварительно будут произведены саперные работы для обследования площади. Также говорили, что “Учредительное собрание” вряд ли соберется в Зимнем дворце. Боятся, что нет ли там каких-либо приспособлений, при помощи которых во всякую минуту здание и все находящиеся там могут быть подняты на воздух... Смотрел, проходя мимо Зимнего дворца, на развевающееся красное знамя вместо штандарта и корону, задрапированную в красное... Сон... Сон...».

Устроить кладбище на Марсовом поле — месте проведения торжественных и жизнеутверждающих парадов — тоже было затеей из ряда вон, но оценить ее безумие стало некому: патология стала нормой¹.

Однако не все были одержимы идеей революционного чина погребения. М. М. Пришвин передал в своем дневнике рассказ очевидца, согласно которому на выборах в Учредительное собрание некая старушка, подавая свой бюллетень, говорила: «Я за церковь и за Бога, а то умрешь, и, как собаку, закопают на Марсовом поле».

И совершенно не исключено, что план кладбища с мавзолеей² на Дворцовой площади являл собой некий оккультный проект.

Впрочем, спустя восемь месяцев «проект» Н. Д. Соколова и ему подобных был успешно реализован, хотя и в другой столице — 7 (20) ноября Московский военно-революционный комитет постановил устроить на Красной площади братскую могилу сторонников большевиков, погибших в дни октябрьского вооруженного восстания, и назначил похоро-

ны на 10 (23) ноября. А спустя семь лет дело дошло и до возведения мавзолея. Что думали о том Соколов и Суханов, — осталось невыясненным.

Очень скоро само слово «Россия» станет запретным, «контрреволюционным». «Контрреволюционными» стали и слова «Родина», «Отечество». Произносить их стало опасно. Порой смертельно опасно. Самое печальное, что русские люди сами, безо всякого принуждения стали испытывать чувство злости к этим понятиям. 1 ноября 1917 года В. Г. Короленко, находясь у себя дома, в Полтаве, запишет в дневнике: «Интересно: мне сообщили, что в совете можно говорить все что угодно. Не советовали только упоминать слово “родина”. Большевики уже так нашколили эту темную массу на “интернациональный” лад, что слово “родина” действует на нее как красное сукно на быков».

Ничем иным, как наваждением и одержимостью, объяснить такую реакцию людей невозможно.

Из письма Императрицы Александры Федоровны от ноября 1917 года: «Все забыли и Родину, и правду. Живут ложью, только о собственных выгодах и думают. Неимоверно тяжело видеть гибель народа дорогой страны, но Христос не оставит Своих, не даст погибнуть всем невинным. Соблазн и разруха всего, тьма покрывает все, стыд и срам, до чего в это короткое время дошли, разве совесть у них все еще спит? А когда последняя их минута придет, когда перед вечным судом будут стоять... хочется им кричать: “Проснитесь, душа погибает”. Земное короткое существование проходит, а что там их ждет? Милосердный Господь, сжался над несчастной Родиной, не дай ей погибнуть под гнетом “свободы”».

То, что происходило в России, выходило за рамки психо-соматических расстройств значительной части населения: это было какое-то массовое помрачение умов, массовое помешательство. Православные люди называют это беснованием. Между прочим, русская дореволюционная психиатрия достаточно четко определяла, в каком случае доктор имеет дело с психическим расстройством, а в каком — с явным духовным повреждением.

И здесь полезно вспомнить наставления святых отцов, поучавших с высоты своего духовного опыта, что бесы, входя в человека, приводят его в лихорадочно-беспокойное состояние, как раз выражающееся в отсутствии отдыха, сумбурности, клинического беспорядка в уме и поступках. Это не просто физиологическое объяснение, это одно из проявлений злой силы. «Бог наоборот». В этом состоянии души нет места обращению «Слава в Вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение».

Хула на Бога обернулась гражданской войной, отсутствием мира, смятением в каждой человеческой душе и зловолением, т.е. желанием творить зло и нежеланием творить добро. Это такое состояние

¹ Похороны жертв революции намечались на 10 марта, но затем ввиду сложности дела переносились на 17 марта и состоялись 23 марта (5 апреля) на Марсовом поле. В четырех братских могилах похоронено 180 человек.

² В русском языке это слово исстари было женского рода.

души, которое принимает видимость острого психического расстройства.

Отсюда и весьма распространенный в то время совет врача-психиатра пациенту: «Вам не ко мне, вам — к священнику!»

Два «учредителя»

Оба были дворяне, сыновья статских генералов от образования.

Оба были родом из Симбирска.

Оба учились в одной гимназии.

Оба окончили юридический факультет Петербургского университета и стали присяжными поверенными.

Оба стали правителями России.

Оба были безбожники.

Оба вели страну в пропасть.

Оба стали членами Учредительного собрания.

На этом сходства в их судьбах заканчиваются.

Первый был «вольный каменщик», позер, фигляр, «джентльмен», обожаемый курсистками и дамами в бриллиантах, которых он доводил до экстаза, а сам падал во время произносимых речей в обмороки. «Уж не пародия ли он?» Эти слова пушкинской героини могли быть сказаны и о нем.

Он мечтал стать оперным певцом. Однако выступать ему пришлось на любительской, политической сцене: уже будучи премьером и «кандидатом в диктаторы», он профессионально и с чувством исполнял вместе с товарищами социалистами «Интернационал». Его стихией был маскарад¹.

Второй — соблазнитель «малых сих», неистовый и одержимый фанатик, «человек из подполья» Достоевского. Он восхищался Сергеем Нечаевым, штудировал Петра Ткачева, прочно усваивая их наставления. Он и дни свои кончил, как Ткачев, — впад в безумие на учиненном им же самим пепелище.

Первый — бывший правитель — так и не смог явиться в Собрание, второй — явился и разогнал его.

Это было совершенно не по-джентльменски.

Певец революции

Благодаря художественному кинематографу в сознании не одного поколения советских людей утвердилась эпическая картина «штурма Зимнего» революционными солдатами и матросами, не имевшая ничего общего с действительностью. Поведение проти-

воположной стороны, в частности А. Ф. Керенского, неизменно изображалось в карикатурном виде. И по сию пору в сознании многих живет лубочная легенда, согласно которой последний премьер бежал из Зимнего дворца, переодевшись в женское платье.

Если обратиться к реальным фактам, то выдуманная анекдот о переодевании Александра Федоровича будет выглядеть несравнимо бледнее, чем действительность. В глазах участников событий она запечатлелась гораздо более циничной и пошлой: «Накануне большевистского восстания, — вспоминал В. Д. Набоков, — Керенский появился в Совете республики, сообщил о раскрытом заговоре и просил поддержки и полномочий. Случайно меня не было в это время в Мариинском дворце, я вернулся немного спустя и застал картину полной растерянности. Происходит обычный тягостный и в данных условиях особенно поражающий своим ничтожеством и ненужностью процесс — отыскивания таких компромиссных формул, которые могли бы быть поддержаны каким ни на есть большинством. К.-д. в конце концов своей формулы не предложили, решив примкнуть к формуле народных социалистов и кооперативов, но эти последние голосовали далеко не дружно, и в результате, после проверки голосования путем выхода в двери, большинства не составилось. В наиболее решительный момент Совет республики оказался несостоятельным, он не дал правительству нравственной поддержки, — напротив того, он нанес ему моральный удар, обнаружив его изолированность. Я не решусь сказать, что иное голосование предотвратило бы на сколько-нибудь долгий срок течение событий и помешало бы большевикам, но результат этого печального и постыдного дня не мог не поднять их духа, не окрылить их надеждой, не придать им решимости. И, с другой стороны, в этот день с особенной яркостью выказались отрицательные черты нашей “революционной демократии”, ее близорукая тупость, фанатизм слов и формул, отсутствие государственного чутья. Никакое разумное, сильное, настоящее правительство с такими элементами работать бы не могло. Мы разошлись, крайне подавленные.

На другой день, часу в десятом утра, когда я еще был в своей уборной, ко мне постучала прислуга и сказала, что меня хотят видеть два офицера. Я велел просить их в кабинет и через несколько минут вышел к ним. Офицеры эти (один, сколько помнится, штабс-капитан, другой — поручик) были мне незнакомы. Они казались крайне взволнованными. Назвав себя и свою должность, старший из них сказал: “Вы, вероятно, уже в курсе событий и знаете, что началось восстание; почта, телеграф, телефон, арсенал, вокзалы захвачены, все главные пункты в руках большевиков, войска переходят на их сторону, сопротивления никакого, дело Вр. Правительства проиграно. Наша задача — спасти Керенского, увез-

¹ По рассказу известного либерала — адвоката Н. П. Карабчевского, — однажды на Масленицу Керенский явился в гости «в облачении древнего римлянина времен Республики, с мечом в руках. Все нашли, что в шлеме, из-под которого торчали его характерно растопыренные уши, и с мечом в руках, на своих тонких ногах, он весьма удачно выразил стойкую храбрость русско-революционера».

ти его поскорее на автомобиле, навстречу тем оставшимся верными Вр. Правительству войскам, которые двигаются к Луге. Все наши моторы захвачены или испорчены. Мы приехали просить вас, не можете ли вы либо сами дать два закрытых автомобиля, либо указать нам, к кому мы бы могли обратиться за этими автомобилями. Сейчас каждая минута дорога”. Я был до такой степени поражен этими словами, что в первую минуту подумал, нет ли тут мошеннического покушения с целью получить мотор и увезти его».

Итак, вместо энергичных действий по предотвращению и подавлению грядущего вооруженного переворота главное лицо государства решает уйти в отставку, поскольку не получает некоей согласованной поддержки политических партий в совещательном органе. В критической ситуации руководитель, на котором лежит ответственность за безопасность государства, когда «дышат почва и судьба», демонстрирует итог развития всех своих худших качеств, проявленных и до, и после избрания главой правительства. Фигляр и политический импотент — таким он запомнился в дни переворота. И потому в ситуации, когда речь заходит о личном спасении от ответственности, легенда о переодевании в женское платье отнюдь не выглядит комичной, но даже напротив — не лишенной изобретательности и остроумия.

Вместе с тем Александр Федорович отнюдь не был трусом. После переворота, будучи избранным ранее в Учредительное собрание, он тайно приехал в Петроград, а затем нелегально жил в Москве, что грозило ему смертельной опасностью. Известен случай, когда некий гусар Андреев, ошибочно принятый за Керенского, три месяца просидел в Петропавловской крепости.

Керенский покинул Россию лишь в конце мая 1918 года. Но, как показывает жизнь, настоящего политика и государственного деятеля характеризуют мужество и решимость в сфере именно общественной, а не сугубо личной.

Правдивость рассказа В. Д. Набокова о поведении Керенского накануне большевистского переворота подтверждают свидетельства Станкевича. «24 октября, — вспоминал он, — я приехал в Петроград с грудой всевозможных докладов и материалов. Керенский встретил меня в приподнятом настроении. Он только что вернулся из Совета Республики¹, где произнес резкую речь против большевиков и был встречен обычными и всеобщими овациями. “Ну, как вам нравится Петроград?” — встретил он меня. Я выразил недоумение. “Как, разве вы не знаете, что у нас вооруженное восстание?” Я рассмеял-

ся, так как улицы были совершенно спокойны и ни о каком восстании не было слышно. Он тоже относился несколько иронически к восстанию, хотя и озабоченно. Я сказал, что нужно будет положить конец этим вечным потрясениям в государстве и решительными мерами расправиться с большевизмом. Он ответил, что его мнение такое же, и что теперь уже никакие Черновы не помогут ни Каменевым, ни Зиновьевым... если только удастся справиться с восстанием. Но относительно последнего было так мало сомнений, что Керенский немедленно согласился, чтобы я вызвал Духонина в Петроград, и я тотчас послал соответствующую телеграмму. Керенский просил меня отправиться в Совет Республики посмотреть, что там делается, и переговорить с лидерами относительно определенности и решительности резолюции. Мариинский дворец был переполнен. Кроме членов Совета, в кулуарах и ложах было много представителей “чиновного мира” и много военных. Было волнение. Партии совещались по фракциям, сталкивались между собой... Но безрезультатно, так как эсеры провалили в своей фракции пятую по счету резолюцию и, по видимому, теряли надежду столкнуться на чем-нибудь. Я, между прочим, заговорил о необходимости организовать гражданскую оборону из студенчества, но меньшевики отшатнулись от меня, как от зачумленного. «И так правительство наделало много глупостей, вы хотите еще белую гвардию устраивать...» Но вот началось голосование резолюций, втёмную, без предварительного стговора. Принятой оказалась резолюция, составленная Даном, о том, что Совет возлагает ответственность за восстание большевиков на правительство и на большевиков и предлагает передать дело обороны отечества и революции какому-то комитету спасения, составленному из представителей городской Думы и партий. Я тут же сделал вывод, что такая резолюция составляет не что иное, как отказ от поддержки Правительства, и высказал предположение, что последнее подаст в отставку. Сообщив по телефону Керенскому резолюцию, я тотчас сам поехал в Зимний дворец. Керенский был в изумлении и в волнении и заявил, что при таких условиях ни минуты не останется во главе Правительства. Я горячо поддерживал его решение и вызвал по телефону Авксентьева и других лидеров партий. Те приехали. Решение Керенского их страшно изумило, так как они считали резолюцию чисто теоретической и случайной и не думали, что она может повлечь практические шаги. Особенно изумлялся Авксентьев, когда Керенский заявил, что передает власть ему как председателю Совета. Начались уговаривания и убеждения, которые продолжались всю ночь. К утру Керенский согласился остаться у власти. Но уже в течение ночи восстание, не встречая достаточно энер-

¹ Официально Временный совет Российской республики (Предпарламент), до 2 (15) октября 1917 года — Всероссийский демократический совет — совещательный орган при Временном правительстве.